

«Один за всех и все за одного»

Евгений Голубовский:

– Убежден, что когда в семье Кохрихтов родился мальчик Феликс, никто и не осознавал, что родился он в 5700 году. Это была если не военная, то государственная тайна. Положено было говорить: родился на 22 году Великой Октябрьской социалистической революции (ВОСр). Но у времени, как и у монетки, две стороны – орел и решка. Наступил день, когда годовщины ВОСр отмечают только очень избранные товарищи, а господа очнулись и вспомнили, что Адама Господь сотворил 5775 лет тому назад. И именно поэтому наш друг, мистик Феликс Кохрихт, может считать себя счастливейшим человеком, он дожил до числа, которое читается по-еврейски справа налево, и по-русски – слева направо, и при этом ему и так и так – все те же 75 лет!

Олег Губарь:

– Тут вот какая штука. 75 – это дата, не кот начхал. И надо бы с подобающей патетикой, с надлежащим пафосом. Но Феликс – наш старый товарищ, близкий человек, и ваять монументалку нам как-то уж совсем не с руки, и даже против приличий многолетней дружбы. Придется нам с вами выходить из этого затруднительного положения – простым доверительным разговором, обменом личными впечатлениями, да и только. Думаю, так будет правильнее.

Начать хочется с того, что представляется наиболее важным: с дружбы. Феликс нередко цитирует любимых литературных героев, в частности, благородного Атоса. Мне тоже памятен один пассаж этого мушкетера – уже и не упомяну,

Татьяна Вербицкая и Феликс Кохрихт – опытные путешественники
Снимок сделан на Родосе неизвестным погонщиком ослов весной 2013 года

в одной ли из экранизаций знаменитого романа он прозвучал, оригинальная ли это цитата из Дюма. Атос накануне опасного предприятия говорит примерно следующее: «Умереть среди друзей... Что может быть ценнее для мужчины... Кому охота остаться последним у непечатой бутылки...». В этом для меня заключено кредо приличного человека. И дело не только в том, что один за всех и все за одного. Это понятно априори. Суть в том, с кем дружить, с кем встретить опасность, с кем стоять плечом к плечу до последнего часа.

Евгений Голубовский:

– Раз мы уже обратились к литературе, я вспомню еще одну книгу, которой мы все когда-то зачитывались. Это «Три товарища» Эриха Марии Ремарка. Книги нас не учили, но все равно кое-что в них запоминали, и это помогало жить. Даже 75 лет.

«Дни рождения тягостно отражаются на душевном состоянии. Особенно с утра».

А разве забудешь такой совет на всю жизнь: «Принципы надо нарушать, а то какое же от них удовольствие?»?

А я могу положить руку на сердце сказать, что наш юбиляр проживает жизнь с удовольствием. В окружении любимой жены, замечательной коллекции и котов, в конце концов.

Олег Губарь:

– Сложилось так, что в нашей триаде энергичный Феликс часто выступал той иницирующей силой, во многом благодаря которой формировались очень серьезные пролонгированные культурологические проекты. Достаточно вспомнить первый региональный иллюстрированный журнал «Одесса», не говоря уже о нашем любимом «Одесском альманахе», по существу толстом и поистине универсальном журнале – литературно-художественном, историко-краеведческом, искусствоведческом и проч.

Евгений Голубовский:

– У Феликса была хорошая школа. В «Знамени коммунизма» он работал вместе с интересными журналистами, в частности, с обаятельным, но строгим Павлом Рейциным. Тот не писал пропагандистские статьи, а только увлекался цирком. Феликс работал в секретариате и писал о культуре, а в соавторстве с Алешей Ивановым – и о спорте. Но навыки руководителя он приобрел в «Слове». Не нужно забывать, что газета не только учила, но и зачастую вводила в сторону от призвания. Кохрихт ведь начинал как тонкий психологически точный прозаик. Вот поэтому с такой радостью и в «Одессе», и в «Дерибасовской – Ришельевской» он следит за равновесностью – истории, литературы, культуры и даже юмора.

Олег Губарь:

– Для Феликса характерна деликатность, толерантность. Разумеется, за долгие годы нашей совместной работы мы многожды спорили по разным поводам, включая и подходы к отбору и размещению авторских материалов. Но всегда приходили к консенсусу, в чем его немалая заслуга.

Евгений Голубовский:

– Это уже дается не газетным опытом, а человеческой культурой. Феликс любит старую живопись и авангард, Феликс с одинаковым благоговением относится к игре Святослава Рихтера, Сергея Терентьева, Алексея Ботвинова и к балету-модерн, наконец к джазу, у истоков воскрешения которого он стоял в нашем городе.

Это не всеядность. Это мудрость, дающая возможность быть толерантным, уживчивым.

И еще. Есть люди, которые с возрастом перестают понимать молодых. Это о ком угодно, но не о нем. Он ведь был одним из создателей Одесского центра современного искусства. Вспомни, как он сегодня поддерживает Стаса Жалобнюка, Степана Рябченко, Оксану Спиндовскую, Альбину Ялозу, Сашу Кадзевич. Их молодость – залог его долголетия и физического, и нравственного, и морального.

А какими влюбленными глазами он смотрит на Ивана Липтугу! Он чувствует в нем продолжателя своего дела.

Олег Губарь:

– Многолетнее общение с Феликсом и с вами, представителями поколения «детей войны», людьми с мощным нравственным стержнем, трудно переоценить. Вы никогда меня навязчиво не воспитывали, но вдохновляли, опосредованно учили, что называется, личным примером. В этом общении я всегда получал бонусы, поощрения, энергетическую подпитку, уверенность в собственных силах, неизменное твердое дружеское участие, ощущал плечом плечо.

Во мне теперь всегда присутствует ощущение того, что мы правильно живем, что никакие обстоятельства не своротят нас

с этого пути и не совратят. Вы и Феликс для меня уже далеко не в первую голову коллеги, а скорее «моя броня и кровная родня».

Евгений Голубовский:

– Так и хочется вспомнить строку Булата Окуджавы: «Давайте говорить друг другу комплименты...». А если всерьез – доброе слово и кошке приятно (про кошку – специально для Феликса), когда же, как не в годовщину, не в праздничный день позволить себе не ехидничать, не подначивать, а сказать правду, сказать доброе слово. А почему это правда? А если бы было иначе, разве смогли бы мы два десятка лет работать вместе? И вспомни – ни разу не поругались, ни разу черная кошка (вновь для Феликса) не пробежала между нами.

Кстати, о котях и кошках. Я не сентиментальный человек, но когда я вижу, как Феликс с Таней ежедневно выносят еду уличным животным, как разговаривают с ними, что-то в сердце екает.

Олег Губарь:

– А еще Феликс любит улыбчиво, с хитрецей цитировать Швейка. Сегодня – это выход. Все мы, втроем, заядлые активисты Клуба городских сумасшедших. И, как вы говорите, в это сумасшедшее время только в нашем клубе можно чувствовать себя нормальным человеком.

Евгений Голубовский:

– Ты мне напомнил, что начинал свой жизненный путь Феликс в психбольнице, после медицинского училища, фельдшером. Уж кто-кто, а он повидал жизнь с изнанки. И поэтому так хочет внести в жизнь добро. До 120 лет ему осталось еще 45, зрелых, мудрых. Пусть проживет их так же достойно! Ну, и мы с ним.

Иван Липтуга:

«Но всех троих тревожила молодость и неопытность д'Артаньяна.

– Нас будет трое, из которых один раненый, а скажут, что нас было четверо.

– Да, но отступить!.. – воскликнул Портос.

*– Это невозможно, – сказал Атос.
Д’Артаньян понял причину их нерешительности.
– Милостивые государи, – сказал он, – испытайте
меня, и клянусь вам честью, что я не уйду с этого мес-
та, если мы будем побеждены!»*

– Иногда случается так, что твоим настоящим другом становится совершенно не твой сверстник, и вообще человек, вроде бы далекий от твоих интересов и круга общения. Он появляется случайно и ненавязчиво, как будто кто-то его специально направил к тебе, чтоб выполнить важную миссию. Этот человек становится не просто другом, но учителем, наставником и отчасти совестью. Между нами с Феликсом сорок лет, два поколения, – ровно столько, сколько понадобилось Моисею, чтоб освободить евреев от рабства и сделать их свободными. Так и Феликс, обладая тайным знанием, мудростью, деликатностью, толерантностью, тонким чувством прекрасного в сочетании с железной хваткой титана, – связывает разные поколения.

Я благодарен судьбе за эту дружбу!

